

на (и Кириллова) о том, что человек "выдумывает" Бога – это "выдумывание" составляет неотъемлемое, сущностное качество человека, возвышающее его над всем животным миром. Но этого мало. Самое главное в "бунте" Ивана – это отрицание несовершенного мира, т.е. отрицание *реального* несовершенства в свете *идеального* совершенства. Но сама возможность такого акта делает совершенство в каком-то смысле реальным. Точнее говоря, этот акт отрицания и выступает как реальность абсолютного, совершенного измерения действительности, т.е. как *реальность Бога*. Такой Бог оказывается неразрывно связанным с человеком, оказывается его "измерением", которое и выявляется в акте отрицания мира, "бунта". Если бы Бог был некоей внешней и высшей реальностью по отношению к человеку, у человека не было бы сил и возможности для столь радикального вызова, для такого "бунта". Именно поэтому герои Достоевского и могут парадоксально утверждать в разных контекстах и то, что они верят в Бога, и то, что они не верят в него. Каждый из них верит в идеал, поскольку этот идеал неизбежно встает перед человеком в его попытках осмыслить все бытие, но никто из глубоко мыслящих и чувствующих людей, видимо, не признает этот идеал реальной целью мирового процесса, поскольку в случае своей реализации он ликвидировал бы, "снял" (в гегелевском смысле) бытие отдельного человека, вся суть которого в этом трагическом напряжении между чаемым совершенством и наличным несовершенством мира.

Итак, "бунт" Ивана Карамазова можно рассматривать как универсальную форму выражения абсолютности человеческой личности, которая присуща каждому человеку, хотя далеко не каждый может выявить в себе это измерение и сделать его значимым. Проблема человеческого развития заключается в том, что большая часть людей оказывается неспособной к этому, именно эту неискоренимую слабость человека имеет в виду Великий Инквизитор, более 10 раз применяя в своем монологе к человеческому племени определение "бунтовщики", но одновременно констатируя, что они *жалкие и слабосильные* бунтовщики. Можно уже здесь признать, что Инквизитор весьма проницателен в понимании человека: он прекрасно осведомлен и о его высшем предназначении (его способности к "бунту"), и о его слабости, неспособности быть достойным этого предназначения.

Для уяснения философских взглядов Достоевского и характера его религиозности прежде всего нужно различить две принципиально разнородных формы веры: веру в существование Бога-творца, в существование Создателя и благого Управителя мира, с одной стороны, и веру в Иисуса Христа и бессмертие человека – с другой. Как мы только что отметили, первая форма веры является для Достоевского и его главных героев весьма проблематичной, но одновременно она и не столь важна для нашего существования (может быть, поэтому Достоевский с парадоксальной легкостью приписывает такую веру и Федьке-каторжнику в "Бесах" и Смердякову в "Братьях Карамазовых"). Напротив, во второй форме веры заключена сама суть религии, религиозного освящения жизни; ее обретение является важнейшим условием нормального существования каждого человека. Утрата этой веры, или даже только сомнение в ней, неизбежно ведет к гибели. Но, к счастью, эта вера настолько укоренена в человеке, что мало кто способен по-настоящему усомниться в ней, что бы он ни говорил явно о себе и своей вере.

Вера в бессмертие означает интуитивное убеждение каждого из нас в собственной абсолютности, признание божественного измерения в своей личности. Поэтому и вера в Иисуса Христа, практически тождественная вере в бессмертие, оказывается верой в возможность *для человека стать Богом*; и это ее содержание фактически вытесняет более привычное, догматическое ее содержание – представление о Боге, ставшем человеком. Действительно, последнее содержание трудно прямо связать с идеей бессмертия: Бог обладает вечной, вневременной сущностью, поэтому его "бессмертие" вообще отрицает время и тем более смерть, для человека же острота проблемы бессмертия связана как раз с той угрозой, которую несет смерть. Смерть выступает самой главной, трагической проблемой для каждого, почти непреодолимым препятствием на пути признания своей личности чем-то существенным, абсолютным в бытии.